

ГЕЙНЕ, ЛЕРМОНТОВ И РИЛЬКЕ: К ИСТОРИИ ОДНОГО ВОЛЬНОГО ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

Освещены вопросы истории русско-немецких литературных связей. В центре внимания поэтические фигуры Г. Гейне, М. Ю. Лермонтова и Р. М. Рильке. Выявляется характер связи творчества поэтов, и на примере лирического произведения Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht» раскрываются особенности переосмысления темы неразделенной любви творческим сознанием Лермонтова, воплощенным в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...», а также их «возвращение» через перевод Рильке «Einsam tret' ich auf den Weg, den leeren...» в немецкоязычное культурное пространство в качестве нового поэтического шедевра.

Ключевые слова: литературные связи, поэзия, художественный перевод.

С XVIII в. русскому образованному обществу была хорошо известна немецкая культура и литература. К началу XIX в. немецкий язык по своей популярности уступал лишь французскому. В поместье своей бабушки Тарханах молодой Лермонтов получил хорошее начальное образование. Благодаря гувернантке немецкого происхождения Кристине Ремер будущий поэт еще в детстве овладел немецким языком и говорил на нем как на своем родном.

Среди немецких писателей и поэтов, чьим творчеством Лермонтов интересовался, можно с уверенностью назвать имена И. В. Гете, Фр. Шиллера, Г. Гейне, Й. Цедлица, о чем свидетельствуют переводы, эпиграфы, упоминания, реминисценции, а также воспоминания современников. Из слов Белинского, посетившего арестованного поэта весной 1840 г. за дуэль с Э. Барантом, также следует, что поэт хорошо знал немецкий и читал Гете наизусть.

Лермонтов обращался к другим, в частности немецкой, литературам в поисках созвучных его мироощущению, его настроению тем и сюжетов, которые переосмысливались в художественном сознании поэта, превращаясь в своеобразный сплав «своего» и «чужого», и в дальнейшем воспринимались как истинно лермонтовские вещи.

Сильное воздействие на творческое сознание Лермонтова оказал Г. Гейне. В личностях обоих поэтов обнаруживалось много общего. Еще первый биограф русского поэта П. Висковатов отмечал сходство их характеров, любовь обоих к наполеоновской тематике, испанским сюжетам в начале творческого пути, их стремление казаться другими, не такими, какими они были на самом деле [1].

Особое место занимали поэты в своих литературах. И Гейне, и Лермонтов олицетворяли конец одной и начало другой литературных эпох. Немецкий поэт, говоря о своей причудливой поэме «Атта Троль», назвал ее «последней свободной лесной песней романтизма», а себя последним поэтом старой немецкой поэтической школы. То же можно сказать о Лермонтове, который своим творчеством завершал пушкинскую эпоху и открывал новую.

В творчестве русского и немецкого поэтов ярко выражено субъективное авторское начало, что делает их поэзию отличной от спокойного объективизма Пушкина и Гете. Обладая более широким видением мира, глубокими философскими знаниями, написав историю немецкой литературы, в конце концов имея серьезный жизненный опыт, Гейне точнее представлял свое место в литературном процессе Германии в отличие от Лермонтова, только начинавшего жить и творить. Гейне пытался преодолеть в себе романтизм через известную «гейневскую иронию». Ироничность мышления была свойством лермонтовской личности. Фраза, брошенная им: «Написать длинную сатирическую поэму: Приключения Демона», говорит о многом, если знать, чем была эта тема для творческого сознания Лермонтова. В произведении «Сашка» мы также сталкиваемся с размышлениями поэта о любви – темы, воспринимаемой им всегда болезненно, но не в привычной, а банальной и относительно фривольной трактовке. Оба поэта иронично относились и к себе, и к окружающему их миру. Ирония, доходящая до сарказма, стоила Лермонтову жизни, а Гейне привела ко многим дуэлям.

Для обоих поэтов тема неразделенной любви, боль пережитых разочарований юности стала основным мотивом многих стихотворений. Гейне был влюблен в своих кузин – Амалию и Терезу, Лермонтов испытывал глубокие чувства к Е. Сушковой и В. Лопухиной. Эти женские образы сопровождали поэтов на протяжении всей жизни.

В ранний период творчества Лермонтов и Гейне были очарованы личностью Байрона и ощущали духовное родство с английским романтиком, о чем свидетельствуют их записи в дневниках и письмах.

Приведенные сравнения могут быть свидетельством того, что Гейне и Лермонтова могло объединять многое и как поэтов, и как просто людей. Исследователи творчества Лермонтова не исключают возможности знакомства поэта с произведениями Гейне уже в ранние годы, однако о следах воздействия немецкого лирика на художественное сознание русского поэта можно говорить только в зрелый

период, точнее, с осени 1839 г. Именно в это время Гейне неоднократно появлялся на страницах «Отечественных записок» в основном в переводах М. Каткова, где также печатался и Лермонтов¹.

Лермонтову принадлежат переводы двух стихотворений Гейне «Sie liebten sich beide...» и «Fichtenbaum». Оба стихотворения обнаруживают внутреннюю связь друг с другом. В них сдержанно, внешне прозаично передана история несчастной, хотя и не безответной любви. Глубоко созвучная основным мотивам творчества Лермонтова, эта тема тем не менее приобретает более обобщенный смысл у русского поэта. Сохранившиеся редакции «Сосны» и «Они любили друг друга...» позволяют увидеть процесс постепенного подчинения гейневских текстов собственно лермонтовским поэтическим целям, которые привели к серьезным сдвигам в семантике образов, усилению драматического звучания, снятию эротического начала и появлению нового типа героя – сильной, одинокой, отвергнутой личности. Стихотворение «Они любили друг друга...» оказывается пронизанным несвойственной первоисточнику иронией, а в известном переложении «На севере диком...» в интерпретации Лермонтова тема расставания двух любящих перерастает в проблему человеческого одиночества. В некоторых произведениях зрелого периода прослеживается устойчивый интерес к отдельным мотивам, тропам, символической образности поэзии Г. Гейне. К ним можно отнести стихотворения «Утес», «Сон», «Тамара».

Установлена связь стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» с текстом лирической миниатюры Гейне «Der Tod, das ist die kühle Nacht» («Смерть – это прохладная ночь») из «Книги песен». Гейневский текст, воспринимаемый как органичная часть цикла, повествует о любовных переживаниях героя:

Der Tod, das ist die kühle Nacht,	Смерть – это прохладная ночь,
Das Leben ist der schwüle Tag.	Жизнь – это душный день.
Es dunkelt schon, mich schläfert,	Темнеет, я засыпаю,
Der Tag hat mich müd gemacht.	День меня утомил.
Über mein Bett erhebt sich ein Baum,	Над моей кроватью возвышается дерево,
Drin singt die junge Nachtigal;	На нем поет юный соловей,
Sie singt von lauter Liebe,	Он поет о большой любви,
Ich hör' es sogar im Traum.	Я слышу это даже во сне.

¹ Первые переводы из Гейне появились гораздо раньше. В 1827 г. в альманахе «Северная лира» Тютчев опубликовал стихотворение «С чужой стороны», являвшееся переводом гейневского «Fichtenbaum». В 1830 г. еще три стихотворения в переводе того же автора появились в журнале «Галатей». В 1840-х гг. Гейне был одним из переводимых иностранных писателей. Кроме «Отечественных записок» его публиковали в «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Москвитянине».

Лирический герой устал от душевных переживаний, вероятно, от неразделенной любви, которая поглощает его, забирает все силы и даже ночью не отпускает его («Я слышу это даже во сне»). Вне цикла лирическая миниатюра приобретает более обобщенное звучание: задает импульс стремления человека к покою, гармонии с самим собой и окружающим миром. М. Ю. Лермонтов смог уловить общее настроение немецкого оригинала, пропустить его через свое поэтическое мироощущение и создать шедевр «Выхожу один я на дорогу...», в котором по-лермонтовски оголенно транслируется мысль о вечном стремлении человеческого я, изначально хаотичного и раздираемого внутренними противоречиями, к гармонизирующим началам миропорядка. Если допустить, что немецкий романтик также размышляет о проблемах бессмертия человеческой души в единении с жизнью вселенной, то следует признать, что тот же мотив в лермонтовском стихотворении приобретает более интимное, обостренно-личностное звучание. Медитативно-исповедальный характер лирического произведения Лермонтова задает элегическую тональность, отличную от безмятежно-наивной интонации стихотворения немецкого лирика.

В немецкоязычном культурном мире стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» занимает особое место. Насчитывается более десятка его переводов на немецкий язык. Один из первых был сделан в середине XIX в., последние относятся к началу XXI в. Но именно в переводе Р. М. Рильке оно прочно вошло в сознание немецкого читателя². «Русский период» в творческой судьбе австрийского поэта стал важным этапом его духовного роста, о чем он признается в письме к одной своей поклоннице в последний год жизни: «...она открыла мне ни с чем не сравнимый мир, мир несслышанных измерений < ... > а благодаря свойствам русских людей я почувствовал себя допущенным в человеческое братство...» [2, с. 310]. Решающим моментом сближения Рильке с Россией еще до его путешествий по стране стало знакомство в 1897 г. в Мюнхене с удивительной женщиной Лу Андреас-Саломе, дочерью русского генерала немецко-французского происхождения, которая стала для Рильке наставником, другом, любимой женщиной и своего рода психотерапевтом. Жившие в ее пантеистическом сознании мифы о русском национальном характере, открытой русской душе и истовой религиозности русского человека были глубоко и искренне восприняты поэтом. В России Рильке был покорен простым русским человеком, способным жить в

² Известный немецкий славист Рейнгард Лауэр в своей рецензии на вышедший в 1987 г. двухтомник избранных произведений Лермонтова назвал немецкую версию Рильке вершиной поэтического переосмысления многогранного художественного мира русского лирика.

полной гармонии с природой и ощущать себя ее неотъемлемой частью. Поэта восхитил российский пейзаж, бескрайние дали и просторы которого были созвучны открытому характеру и широте русской природы. Но больше всего его поразила глубокая и в то же время по-детски наивная религиозность русского человека. Позже Рильке признавался, что в его восприятии России отразились духовные искания тех лет: «В общем-то во всем новом (стране, человеке, вещи) ищешь лишь выражение и подтверждение какой-либо собственной идеи, ее истинности» [3, с. 17]. В этом контексте понятен интерес Рильке к русской литературе и в частности к тем лирическим произведениям зрелого Лермонтова, в которых воплотилось характерное для русской ментальности настроение духовной просветленности, противопоставленное скепсису, трагическому разочарованию и скорби. Так рождаются прозаические переводы двух «Молитв» и художественный перевод «Выхожу один я на дорогу...» (1841).

Перевод лермонтовского стихотворения «Выхожу один я на дорогу...», выполненный в 1919 г., большинством исследователей и по сей день считается непревзойденным. Поэту удалось ощутить пульсирующее дыхание каждой строки оригинала, воспроизвести торжественную красоту мироздания, мастерски «озвучив» ее и сохранив чарующую лирическую интонацию оригинала. Перевод Рильке отличает близкое к оригиналу воспроизведение его образно-смысловой ткани. Ему практически всегда удается найти в родном языке структурно-функциональный эквивалент, равный по значимости, силе своего эмоционального воздействия и красоте единице переводимого текста. Речь идет не о дословной передаче мысли, а о более широком видении материи стиха и обостренном «вчувствовании» в заложенную в ней эмоциональную настроенность. Рильке точно воспроизводит размер оригинала, перекрестную рифмовку. Он мастерски передает лермонтовскую семантику звукообразов. Однако на уровне грамматико-синтаксического построения перевод обнаруживает достаточно некоторые отступления от первоисточника. Например, в переводе последней строфы наиболее ярко проявились элементы поэтической системы Рильке:

Лермонтов:

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной, чтоб вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Рильке:

Dass mir Tag und Nacht die süße, kühne
(Чтоб мне днем и ночью сладкий, смелый)

Stimme sänge, die aus Liebe steigt,
(Голос пел бы, рожденный любовью,)
Und ich wüsste, wie die immergrüne
(И я знал бы, как вечнозеленый)
Eiche flüster, düster hergeneigt.
(Дуб шептал, мрачно наклоняясь.)

Сохранив внешние особенности синтаксического оформления строфы, представленной одним сложным предложением, распадающимся на два относительно законченных двуступишия, Рильке допустил смелые перестановки среди отдельных ее компонентов. Синтаксический параллелизм у Лермонтова задается повторами союза «чтоб» в нечетных строках и усиливается обособленными деепричастиями, интонационно сливающимися с подчинительными союзами. Деепричастные обороты по своей грамматической природе обнаруживают сильную синтаксическую зависимость как от сказуемого, так и от подлежащего. Положение деепричастных оборотов на границе стихов в изоляции по отношению к предикатно-субъектной группе, которая появляется лишь в следующей строке, причем с предикатом в конечной позиции, создает ощущение некоторой незавершенности мысли и напоминает стилистический прием переноса. Едва ощутимый в лермонтовском стихотворении перебой ритма Рильке усиливает типичными для его лирики междустрочными переносами, явно нарушающими инерцию ритмического членения стихотворной речи. Он также осложняет синтаксис вводом придаточного определительного к существительному «голос» и обособленного причастия к группе «дуб шептал», располагая их симметрично в четных строках. Через синтаксическое равновесие двуступиший в переводе реализуется идея обретения лирическим я внутренней гармонии с миром одухотворенной природы, органично сочетающей в себе элементы земного и небесного начал. Центральное положение местоимения «я» характеризует его включенность в цепь мироздания (голос – я – дуб).

При сопоставлении перевода с оригиналом трудно не заметить яркую индивидуальность переводчика, что позволяет воспринимать немецкое переложение как оригинальное произведение австрийского поэта, очень близкое по духу и настроению русскому «прообразу».

Вдохновленный лирической миниатюрой Гейне Лермонтов создал истинно лермонтовскую вещь, которая через восприятие Рильке входит в немецкоязычное культурное пространство в качестве нового поэтического шедевра. Выстраивается тройная система поэтических аллюзий: Гейне – Лермонтов – Рильке.

Список литературы

1. Висковатов П. А. Жизнь и творчество Лермонтова. М., 1891 г.
2. Рильке Р.М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1976.
3. Rilke R.M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit. 1899 bis 1902. Lpz. 1931.

Круглова Л. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061.
E-mail: kruglik@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 02.01.2015.

L. V. Kruglova

HEINE, LERMONTOV AND RIL'KE: TO THE QUESTION OF ONE FREE TRANSLATION

The article addresses the questions of the history of Russian-German literature relations with the main focus on three poets: Mikhail Lermontov, Heinrich Heine and Rainer Maria Ril'ke. The article reveals the nature of the relations between the creative works of poets. Using the lyrical work by Heine "Der Tod, das ist die kühle Nacht" ("Death is the cool night") as an example, the author explores the peculiarities of reinterpreting of the theme and motif by the creative consciousness of Lermontov that was embodied in the poem "I come out to the path, alone..." as well as their "return" through Rilke's translation "Einsam tret' ich auf den Weg, den leeren..." back into the German-speaking cultural space as a new poetic masterpiece.

Key words: *literature relations, connections; poetry, literary translation.*

References

1. Viskovatov P. A. *Zhyzn' i tvorchestvo Lermontova* [Life and Creative Works of Lermontov]. Moscow, 1891 (in Russian).
2. Ril'ke R.M. *Vorpsvede. Ogyust Roden. Pis'ma. Stikhi* [Vorpsvede. Ogiust Roden. Letters. Poems]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1976 (in Russian).
3. Rilke R.M. *Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit*. 1899 bis 1902. Lpz. 1931.

Kruglova L. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Russia, 634061.
E-mail: kruglik@tspu.edu.ru